

Фонд развития промышленности как инструмент формирования промышленного пути: региональный аспект¹

Евгений Стариков^{1,2}, Марина Евсева¹, Илья Наумов²

¹ Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург, Россия

² Институт экономики УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия

Информация о статье

Поступила в редакцию:
18.08.2022

Принята
к опубликованию:
28.12.2022

УДК 338.24+338.14

JEL O25, R11, L52

Ключевые слова:

фонд развития промышленности, промышленное развитие, промышленная политика, инструменты политики, индекс промышленного производства, регионы, диверсификация, специализация, инвестиционные проекты.

Keywords:

Industrial Development Fund, industrial development, industrial policy, policy instruments, industrial production index, regions, diversification, specialization, investment projects.

Аннотация

Статья посвящена изучению влияния кредитных инструментов промышленной политики, реализуемых Фондом развития промышленности (ФРП, Фонд), на промышленный рост и формирование промышленного пути в регионах России. Эмпирическая база исследования включает данные о средствах кредитной поддержки, предоставленных Фондом производственным компаниям-заёмщикам в период 2015–2021 гг. в рамках 924 инвестиционных проектов, реализованных в 73 субъектах РФ, а также агрегированные по субъектам РФ данные по индексу промышленного производства за этот же период. На основе методов регрессионного анализа оценено влияние проектов, поддержанных Фондом, на показатель индекса производства обрабатывающей промышленности по группам регионов, в зависимости от уровня среднегодовой стоимости реализованных с участием средств ФРП инвестиционных проектов. Полученные результаты позволяют положительно оценивать деятельность Фонда при формировании нового промышленного пути через реализацию процесса диверсификации промышленного комплекса в регионах с узкоспециализированной и недостаточно развитой промышленностью. При этом поддержка Фондом

¹ Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН “Институт экономики УрО РАН” на 2022 г. при финансовой поддержке РФФИ и Свердловской области в рамках научного проекта № 20-410-660032 р_а “Инновационно-технологическое развитие промышленности региона в контексте трансформации архитектуры бизнеса и управленческих технологий, продуцирующих знания и общие ценности: институциональный и стейкхолдерский аспекты”.

проектов промышленного развития, направленных на углубление специализации в регионах с развитой индустриальной базой и широким набором отраслей промышленной специализации, не даёт системных положительных эффектов с позиции промышленного роста и не обеспечивает трансформацию траектории развития сложившегося регионального промышленного пути.

Industrial Development Fund as an Instrument for the Shaping an Industrial Path: Regional Aspect

Yevgeniy N. Starikov, Marina V. Evseeva, Ilya V. Naumov

Abstract

The article examines what effect credit instruments of industrial policy provided by the Industrial Development Fund (the Fund) have on the industrial growth and shaping of an industrial path in the regions of Russia. The empirical base includes data on credit support of borrowing manufacturing companies by the Fund in the period 2015–2021 as part of 924 investment projects implemented in 73 regions of the Russian Federation. The study also provides aggregated data on the industrial production index for the same period for the Russian Federation regions. The regression analysis methods were applied to estimate the impact of the projects supported by the Fund on the indicator of the manufacturing industry production index by groups of regions, depending on the level of the average annual cost of investment projects supported by the Fund. The research findings show a positive effect of the Fund's activities in terms of the shaping of a new industrial path by implementing diversification of the industrial complex in the regions with a highly specialized and underdeveloped industry. At the same time, the Fund's support aimed at deepening specialization does not provide a sustainable positive effect on the industrially developed regions having a wide range of industrial specialization in terms of the industrial growth. Moreover, the study shows that the Fund's support does not ensure transformation of the development trajectory of the current regional industrial path.

Введение

В большинстве стран мира промышленный сектор экономики исторически образует каркас сферы материального производства. При этом интенсивное развитие в последние два-три десятилетия третичного сектора экономики и сокращение, в связи с этим, доли промышленности в ВВП, тем не менее, не снижает её значимости в обеспечении экономического роста, занятости и технологического суверенитета. Важнейшую роль промышленный комплекс играет и в вопросах регионального развития, формируя локальные точки экономического роста и цепочки создания добавленной стоимости. Структурные изменения, связанные с деиндустриализацией и развитием постиндустриального общества, обуславливают серьёзную трансформацию промышленного сектора, в котором формируется множество новых отраслей, в первую очередь, высокотехнологичных и новых видов деятельности, связанных с инжинирингом и сервисом, развитие которых, в свою очередь, ведёт к росту производительности труда и росту доли производственных услуг в реальном секторе экономики. Таким образом, промышленный сектор в новых условиях сохраняет свою роль экономического ядра, вокруг которого появляются и функционируют другие виды экономической дея-

тельности, формируются и укрепляются межотраслевые связи, создаются и модернизируются рабочие места [1].

В этой связи высокую актуальность приобретают вопросы поддержки промышленного развития, разработки и внедрения в хозяйственную практику эффективного инструментария промышленной политики, отвечающего современным требованиям, вызовам и рискам структурной трансформации экономики. В этом контексте в последние годы мы можем наблюдать усиление роли государства в процессах формирования и реализации промышленной политики, что выражается в создании и совершенствовании инструментов государственной поддержки инвестиционных проектов технической и технологической модернизации промышленных предприятий, и создания новых производств в регионах России [2]. Одним из таких известных, в последние годы, инструментов промышленного развития является Фонд развития промышленности России (далее — ФРП, Фонд), который был создан в 2014 г. как новый институт промышленной политики России [3, 4] практически параллельно с принятием и вступлением в силу закона о промышленной политике¹. Основной задачей этого института была заявлена поддержка проектов промышленного развития, ориентированных на импортозамещение [5], модернизацию производства и внедрение наилучших доступных технологий, реализуемых производственными компаниями в регионах страны. Основу инструментария Фонда составляют льготные займы, предоставляемые заёмщикам на возвратной основе по ставке 1-3% годовых на срок от 2 до 7 лет в зависимости от кредитной программы и параметров конкретного проекта. В настоящее время Фонд реализует 13 кредитных программ поддержки, включая “Проекты развития”, “Лизинг”, “Станкостроение”, “Конверсия”, “Комплекующие изделия”, “Маркировка товаров”, “Производительность труда”, “Цифровизация промышленности”, “Автокомпоненты”, “Формирование компонентной и ресурсной базы”, “Приоритетные проекты”, “Экологические проекты” и “Противоэпидемические проекты”.

В целом за период своей работы по состоянию на июль 2022 г. Фонд уже предоставил 1107 займов на общую сумму 259,9 млрд руб. Предприятия — участники кредитных программ Фонда — вложили в реализацию проектов ещё 264,0 млрд руб. инвестиций. Прогнозируемая выручка по итогам реализации этого портфеля проектов оценивается в размере 4466,0 млрд руб. Расчётный бюджетный и социальный эффекты ожидаются в размере 345,0 млрд руб. налоговых поступлений во все уровни бюджетной системы РФ и создании 31 855 новых высокопроизводительных рабочих мест. Кроме того, участниками проектов планируется подать 641 заявку на интеллектуальную собственность².

Как показала хозяйственная практика, наиболее востребованной поддержка Фонда оказалась в машиностроении и химической промышленности. Кроме того, отмечается неравномерная востребованность

¹ Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488–ФЗ “О промышленной политике в Российской Федерации”.

² По данным: <https://frprf.ru/>.

поддержки по субъектам РФ — наиболее активными были компании таких регионов как Московская область, Пермский край, Свердловская область, Республика Татарстан и ряда других. В то же время в ряде регионов проекты промышленного развития, при поддержке средств Фонда, до сих пор не реализовывались, что может быть связано как, в принципе, со слабым уровнем развития обрабатывающих производств промышленности в данных регионах и, как следствие, отсутствием потенциальных проектов, так и несоответствием предлагаемых к реализации проектов промышленного развития критериям, предъявляемым Фондом при отборе проектов для поддержки. Всего инвестиционные проекты при поддержке Фонда реализовывались на территориях 74 субъектов РФ.

Исследовательский вопрос и цель исследования

В любом случае, учитывая широкий региональный охват деятельности ФРП, а также серьёзные инвестиционные ресурсы, уже направленные на поддержку проектов промышленного развития, вопрос оценки влияния деятельности Фонда на процессы промышленного развития и роста в регионах страны является актуальным и востребованным. В этой связи, цель исследования заключается в проверке наличия связи между деятельностью Фонда и промышленным развитием регионов России, то есть, другими словами, как инвестиционные проекты промышленного развития, реализация которых поддержана Фондом, влияют на промышленный рост в регионах страны и (или) каким образом зависит (или не зависит) ежегодная динамика показателя регионального индекса промышленного производства от деятельности Фонда на территории региона.

Теоретическая рамка исследования

Одной из наиболее известных современных концепций регионального промышленного развития является концепция регионального промышленного пути [1, 6-8], суть которой заключается в том, что текущая и будущая траектория развития промышленности в регионе детерминруется исторически сложившейся отраслевой структурой промышленного комплекса и множеством технологических решений, реализуемых в едином экономическом пространстве в рамках определённой институциональной среды [9, 10]. Среди отечественных исследований в рамках данной тематики следует отметить представленный НИУ ВШЭ в 2021 г. Атлас экономической специализации регионов России [11], авторы которого выявили региональную специализацию на основе 55 отраслевых группировок, сформированных в рамках кластерного подхода в отличие от традиционных видов экономической деятельности, закреплённых в ОКВЭД-2. Большое внимание вопросам обоснования путей развития региональной промышленности и типологии региональных промышленных путей уделяется также и в работах зарубежных авторов [12-14].

Одним из сценариев формирования и развития регионального промышленного пути является широкая диверсификация промышленности,

предполагающая как создание новых высокотехнологичных производств и сервисных секторов, так и глубокую модернизацию исторически сложившихся традиционных сегментов регионального промышленного комплекса [15]. Другой сценарий определяется процессами углубления промышленной специализации региона в узком сегменте высокотехнологичных и новых для региона отраслей и здесь, как раз, важную роль играет кластерный подход [16]. Какой сценарий в большей мере способствует индустриальному развитию и промышленному росту региона — на этот счёт единого мнения пока не сложилось [17]. Некоторые исследователи считают, что важны оба эффекта, однако их действие проявляется по-разному [1]. При этом на выбор более предпочтительного сценария формирования регионального промышленного пути влияют исторически сложившаяся промышленная специализация региона и существующие в наличии базы знаний, и технологические заделы, связанные с активностью научного сектора [18, 19]. Кроме того, отмечается, что формирование регионального промышленного пути определяется не только инициативной деятельностью промышленного бизнеса, но также важнейшую роль в этом играет активная промышленная политика [20].

Материалы и методы исследования

С целью оценки указанного влияния была сформирована эмпирическая база данных¹, включающая панели показателей индекса производства в обрабатывающей промышленности за 2015–2021 гг. по 73 субъектам РФ (в соответствии с периодом работы Фонда) и объёмов кредитных средств, предоставленных Фондом на реализацию 924 инвестиционных проектов промышленного развития в этот же период, сгруппированных в региональном разрезе².

Агрегирование данных по проектам промышленного развития, поддержанным Фондом, показало, что в исследуемый период регулярная поддержка предприятий обрабатывающего сектора промышленности осуществлялась в 50 регионах страны. В остальных 35 субъектах РФ инвестиционная деятельность в обрабатывающей промышленности при поддержке Фонда осуществлялась не системно, была отмечена реализация отдельных проектов, при этом в 12 регионах³ не было реализовано ни одного проекта с поддержкой Фонда.

Далее в программном продукте Gretl с применением метода наименьших квадратов был осуществлен регрессионный анализ. В ка-

¹ База данных была сформирована группой студентов кафедры региональной экономики, инновационного предпринимательства и безопасности Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина» в составе Ю.В. Грачевой (группа ЭУ-203830), П.В. Банниковой (ЭУ-393805), А.А. Барышевой (ЭУ-393805), Т.И. Сусловой (ЭУ-393805) и А.Н. Белокура (ЭУ-393805) во втором семестре 2021/2022 уч. года в рамках научно-исследовательского практикума.

² Из анализа были исключены 12 субъектов РФ, в которых не было реализовано ни одного проекта с участием ФРП.

³ Амурская, Сахалинская и Мурманская области, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Ненецкий автономный округ, Республика Саха (Якутия), Северная Осетия – Алания, Тыва, Хакасия, Чечня, Чукотский автономный округ.

честве зависимой переменной выступил темп роста индекса производства обрабатывающей промышленности в регионе, а в качестве факторного признака — отношение стоимости инвестиционных проектов, реализуемых в регионе при поддержке ФРП, к общему объёму привлечённых инвестиций в основной капитал в регионе.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ стоимости реализуемых при поддержке ФРП инвестиционных проектов показал высокую пространственную неоднородность инвестиций. В этой связи, для корректной оценки влияния инструментов кредитной поддержки Фонда на динамику изменения индекса промышленного производства в регионах, построение регрессионных моделей было осуществлено дифференцировано в рамках трёх групп [2].

Первая группа — регионы с высоким размером среднегодовой стоимости инвестиционных проектов, реализованных с кредитной поддержкой ФРП, превышающим верхнюю границу разброса данных (1774,9 млн руб.), вошли 11 субъектов РФ, на которые пришлось порядка 54% стоимости всех инвестиционных проектов, поддержанных ФРП¹. Лидерами по стоимости проектов стали Московская область (9,5% от всей совокупной стоимости всех проектов, поддержанных ФРП), Пермский край (6,3%), Республика Татарстан (5,8%), г. Санкт-Петербург (5,1%) и г. Москва (4,9%).

Вторую группу — регионы с размером среднегодовой стоимости реализованных проектов, превышающим среднероссийский медианный уровень стоимости проектов поддержанных ФРП (731,6 млн руб.), составили 14 субъектов РФ². При этом совокупный размер финансирования проектов в регионах данной группы составил 29,5% от общей стоимости инвестиционных проектов, поддержанных Фондом. Удельный вес инвестиций в проекты промышленного развития, привлечённый в регионы данной группы в общем объёме финансирования проектов, поддержанных ФРП был значительно ниже по сравнению с регионами первой группы — от 1,4% (Ивановская область) до 3,1% (Ленинградская область).

В Третью группу регионов с размером среднегодовой стоимости, реализуемых при поддержке ФРП проектов промышленного развития ниже среднероссийского медианного значения (731,6 млн руб.), вошли 25 субъектов РФ³. На их долю пришлось всего 16,2% стоимости, поддержанных ФРП, проектов. Так, например, в Брянской области среднегодовая стоимость всех инвестиционных проектов предприятий обрабатывающей промышленности, поддержанных Фондом, за шесть лет со-

¹ Города Москва, Санкт-Петербург, Московская, Свердловская, Челябинская, Нижегородская, Тульская, Иркутская области, Республики Татарстан и Башкортостан, Пермский край.

² Ленинградская, Калужская, Ярославская, Ростовская, Самарская, Воронежская, Омская, Новосибирская, Владимирская и Ивановская области, Ставропольский и Красноярский края, Чувашская Республика и ХМАО-Югра.

³ Брянская, Пензенская, Ульяновская, Саратовская, Курганская, Курская, Белгородская, Тюменская, Волгоградская, Рязанская, Тверская, Смоленская, Кировская, Новгородская, Архангельская, Томская, Липецкая, Кемеровская и Калининградская области, Республики Бурятия и Мордовия, Удмуртская Республика, Хабаровский, Краснодарский и Алтайский края.

ставила 678,9 млн руб. или 1,24% от стоимости всех проектов, поддержанных ФРП, в России, в Пензенской области — 665,3 млн руб. (1,22%), Республике Мордовия — 642,1 млн руб. (1,1%), Ульяновской области — 615 млн руб. (1,1%), Саратовской области — 561,4 млн руб. (1%). В остальных регионах удельный вес привлечённых инвестиций для реализации, поддержанных Фондом проектов, в общем объёме финансирования, не превышал 1%.

Такой подход позволил повысить однородность распределения данных и получить более достоверные модели, обладающие робастными оценками, устойчивыми к различного рода выбросам и помехам. Кроме этого, проведённый Non-linearity test зависимости данных переменных в каждой группе регионов показал, что их распределение является нелинейным. Поэтому, для получения коэффициентов эластичности изменения динамики индекса промышленного производства от уровня проектных инвестиций ФРП в различных группах регионов, было принято решение преобразовать исходные данные с помощью натурального логарифмирования. В результате были построены три регрессионные модели с фиксированными и случайными эффектами, по объединённому (pooled) методу наименьших квадратов и с корректировкой на гетероскедастичность¹.

Первая регрессионная модель, построенная по 66 наблюдениям для регионов Первой группы, показала обратную зависимость между поддержкой Фондом инвестиционных проектов промышленного развития и динамикой индекса промышленного производства в регионе (табл. 1):

$$Y = e^{4.638} * X^{-0,0069} \quad (1)$$

Таблица 1

Регрессионная модель влияния поддержки ФРП проектов промышленного развития на динамику индекса производства обрабатывающей промышленности в регионах Первой группы

	Коэффициент / Coefficient	Ст. ошибка / St. error	t-статистика / t-statistic	P-значение / P-value
const	4,638328455	0,006354	729,9656	1,54E-109***
X	-0,006870279	0,005597	-1,22752	0,042495***
LSDV R-squared	0,408431186		P-значение (F) / P-value (F)	0,001291***
LSDV F (11, 54)	3,389336585		Стат. Дарбина–Вотсона / Durbin–Watson stat.	1,508114
Крит. Шварца / Schwartz criterion	-219,9247345		Крит. Акаике / Akaike criterion	-246,201

¹ Для выбора оптимальных моделей был осуществлён панельный анализ с использованием теста Хаусмана и информационных критериев Шварца, Акаике и Хеннана–Куинна, достоверность основных параметров моделей оценивалась с помощью стандартных ошибок и P-значений, надёжность параметров регрессии оценивалась и с помощью методики Чоу — для проверки наличия структурных сдвигов в выборке наблюдений. Достоверность модели оценивалась и с помощью коэффициента детерминации и вероятности выполнения нуль-гипотезы его незначимости (F-знач). Кроме того, проводился анализ наличия гетероскедастичности в модели с помощью теста Уайта, автокорреляции между остатками посредством теста Вулдриджа и Дарбина–Уотсона, а также нормальности распределения ошибок модели.

	Коэффициент / Coefficient	Ст. ошибка / St. error	t-статистика / t-statistic	P-значение / P-value
Параметр rho / rho parameter	0,147593302		Крит. Хеннана–Куинна / Hennan–Quinn test	-235,818
Non-linearity test (squares)			Тестовая статистика / Test statistics: 1,6335	0,201211406
Breusch-Pagan test statistic:			LM = 12,8894	0,000330442
Hausman test statistic:			H = 0,0568049	0,811619
White's test for heteroskedasticity (нулевая гипотеза — наблюдается гетероскедастичность / null hypothesis — hetero-scedasticity is observed):			Хи-квадрат (11) = 55,77824421	0,55808
Wooldridge test:			Тестовая статистика / Test statistics: t (2) = 5,886	0,35684602
Нулевая гипотеза — нормальное распределение / Null hypothesis — normal distribution:			Хи-квадрат (2) = 8,08E-01	0,667526
Chow test for structural break at observation			Тестовая статистика / Test statistics: 0,830725	0,440525

Источник: составлено авторами.

Вторая регрессионная модель, построенная с использованием панельных данных по 84 наблюдениям, позволила установить прямую взаимосвязь между исследуемыми показателями. Согласно данной модели, рост поддержки проектов промышленного развития со стороны ФРП в регионах Второй группы на 1% способствует росту индекса производства обрабатывающей промышленности в регионе на 0,00041% (табл. 2):

$$Y = e^{4.638} * X^{0,00041} \quad (2)$$

Таблица 2

Регрессионная модель влияния поддержки ФРП проектов промышленного развития на динамику индекса производства обрабатывающей промышленности в регионах Второй группы

	Коэффициент / Coefficient	Ст. ошибка / St. error	t-статистика / t-statistic	P-значение / P-value
const	4,638232	0,012	386,5103	0,0000***
X	0,000408	0,005381	0,075886	0,0939*
			Стат. Дарбина–Вотсона / Durbin–Watson stat.	1,492779
Крит. Шварца / Schwartz criterion	-204,845		Крит. Акаике / Akaike criterion	-209,706
Параметр rho / rho parameter	0,101061		Крит. Хеннана–Куинна / Hennan–Quinn test	-207,752
Non-linearity test (squares)			Тестовая статистика / Test statistics: 0,341375	0,559037
Breusch-Pagan test statistic:			LM = 5,846448	0,0156085
Hausman test statistic:			H = 0,102136	0,749282
White's test for heteroskedasticity (нулевая гипотеза — наблюдается гетероскедастичность / null hypothesis — hetero-scedasticity is observed):			Хи-квадрат (2) = 0,639686	0,726263
Wooldridge test:			Тестовая статистика / Test statistics: t (2) = 4,06	0,1349

	Коэффициент / Coefficient	Ст. ошибка / St. error	t-статистика / t-statistic	P-значение / P-value
Нулевая гипотеза — нормальное распределение / Null hypothesis — normal distribution:			Хи-квадрат (2) = 106,2449	0,85024
Chow test for structural break at observation			Тестовая статистика / Test statistics: 0,078871	0,924231

Источник: составлено авторами.

И, наконец, третья регрессионная модель, построенная по анализу 150 наблюдений для регионов Третьей группы, показывает ещё более значительное, по сравнению с регионами Второй группы, положительное влияние деятельности Фонда по поддержке проектов промышленного развития на динамику индекса производства обрабатывающей промышленности в регионах данной группы (табл. 3):

$$Y = e^{4.631} * X^{0,0038} \quad (3)$$

Таблица 3

Регрессионная модель влияния поддержки ФРП проектов промышленного развития на динамику индекса производства обрабатывающей промышленности в регионах Третьей группы

	Коэффициент / Coefficient	Ст. ошибка / St. error	t-статистика / t-statistic	P-значение / P-value
const	4,63092	0,0058102	797,0308982	0,00***
X	0,003823	0,0032573	1,173528503	0,0584*
			Стат. Дарбина–Вотсона / Durbin–Watson stat.	1,483669308
Крит. Шварца / Schwartz criterion	-477,618		Крит. Акаике / Akaike criterion	-483,6393959
Параметр rho / rho parameter	-0,00642		Крит. Хеннана–Куинна / Hennan–Quinn test	-481,193145
Non-linearity test (squares)			Тестовая статистика / Test statistics: 9,427367	0,002138
Breusch-Pagan test statistic			LM = 12,0707	0,000512209
Hausman test statistic			H = 0,289561	0,590502
White's test for heteroskedasticity (нулевая гипотеза — наблюдается гетероскедастичность / null hypothesis — hetero-scedasticity is observed)			Хи-квадрат (2) = 33,77762	0,46308
Wooldridge test			Тестовая статистика / Test statistics: t (2) = 3,154	0,08841
Нулевая гипотеза — нормальное распределение / Null hypothesis — normal distribution			Хи-квадрат (2) = 43,71594	3,22E-10
Chow test for structural break at observation			Тестовая статистика / Test statistics: 3,705389	0,26933

Источник: составлено авторами.

В формулах (1-3): Y — индекс производства обрабатывающей промышленности в регионе в текущем периоде по сравнению с предыдущим, %; X — отношение стоимости инвестиционных проектов, реа-

лизуемых в регионе при поддержке ФРП, к общему объёму привлечённых инвестиций в основной капитал в регионе, %.

Выводы

Полученные нами результаты регрессионного моделирования показывают, что в регионах с низким и средним уровнем промышленного развития (Вторая и Третья группы регионов) кредитный инструментарий Фонда оказывает положительное влияние на процессы промышленного роста и развития, более ярко выраженное в наименее индустриально-развитых регионах. В то же время в регионах с традиционно развитой индустриальной базой и широким набором отраслей промышленной специализации (Первая группа регионов), применяемые Фондом кредитные инструменты, не демонстрируют системных положительных эффектов с точки зрения обеспечения промышленного роста. То есть мы можем говорить о том, что Фонд как инструмент государственной промышленной политики, поддерживая проекты по диверсификации промышленного комплекса в регионах с узкоспециализированной и недостаточно развитой промышленностью, способствует развитию региональной промышленности и формированию в этих регионах нового регионального промышленного пути. При этом, поддерживая проекты по углублению специализации в индустриально-развитых регионах, исторически обладающих диверсифицированной промышленностью, деятельность Фонда не обеспечивает трансформацию траектории развития регионального промышленного пути, а также ускорение развития и общий рост промышленности региона в рамках сложившейся структуры региональной промышленности.

Учитывая, что в исследуемом периоде в регионы Первой группы было направлено порядка 54% всего объёма инвестиционных ресурсов в рамках реализации проектов промышленного развития в обрабатывающем секторе промышленности, поддержанных Фондом, в то время как в регионы Второй и Третьей групп только около 46% (Вторая группа — 29,5%; Третья группа — 16,2%), возникает вопрос о целесообразности увеличения объёма средств направляемых на поддержку инвестиционных проектов в регионах Второй и Третьей групп и в целом о пересмотре пространственных приоритетов осуществляемой Фондом поддержки промышленной деятельности. При этом нет смысла отрицать значимость и важность создания новых и глубокой модернизации действующих промышленных производств в регионах Первой группы с точки зрения формирования новых, современных рабочих мест, дополнительных налоговых доходов, экологических эффектов, новых рынков, развития производственной кооперации и пр. Однако, с позиции получения системных эффектов промышленного роста и выработки новых устойчивых и конкурентных промышленных путей развития регионов Первой группы стратегия деятельности Фонда не является оптимальной и требует корректировки на основе учёта сложившихся особенностей пространственного размещения промышленных производств в России. Необходимо также отметить, что значимый вклад в по-

вышение эффективности данных процессов может внести расширение линейки инструментов государственной промышленной политики как на основе инструментария Фонда, так и других институтов развития.

Заключение

При реализации промышленной политики государство объективно заинтересовано в высокой эффективности используемого инструментария с позиции минимизации затрат и максимизации итогового результата. Получение системных эффектов, связанных с формированием новых, рыночно конкурентных, адаптированных к меняющимся экономическим реалиям промышленных путей на основе роста промышленного производства, структурных изменений промышленного комплекса в направлении увеличения доли высокотехнологичных и сервисных секторов, новых сегментов, связанных с инжинирингом, ростом количества предприятий малого и среднего промышленного бизнеса, безусловно, относится к приоритетным задачам государственной промышленной политики. В этой связи, важнейшее место в системе её формирования и реализации занимают стратегическое планирование и аналитическое обеспечение.

В последние годы был разработан целый ряд отраслевых стратегий промышленного развития, в частности, Стратегия развития станкоинструментальной промышленности РФ до 2035 г.¹, Стратегия развития электронной промышленности РФ на период до 2030 г.², Стратегия развития лесного комплекса РФ на период до 2030 г.³, Стратегия развития автомобильной промышленности РФ на период до 2025 г.⁴ и ряд других, а также Сводная стратегии развития обрабатывающей промышленности РФ до 2024 г. и на период до 2035 г.⁵ Соответственно, проблема анализа соответствия и достаточности имеющегося инструментария промышленной политики для достижения целей указанных стратегий проявляется в настоящее время достаточно остро. Однако, необходимо отметить, что разработчиками указанных стратегий не уделяется должного внимания региональным аспектам промышленного роста и проблеме необходимости формирования устойчивых региональных промышленных путей для развития отечественной промышленности. Кроме того, в целом в российских стратегических документах не закреплены подходы к определению перспективных специализаций регионов, специализации определены очень широко и сильно размыты [21, 22].

В результате такого положения вещей эффективность реализации государственной промышленной политики снижается, расходование ре-

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 ноября 2020 г. № 2869-р “Об утверждении Стратегии развития станкоинструментальной промышленности на период до 2035 года”.

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 января 2020 г. № 20-р “Об утверждении Стратегии развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года”.

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 февраля 2021 г. № 312-р “Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года”.

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2018 г. № 831-р “Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2025 года”.

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 6 июня 2020 г. № 1512-р “Об утверждении Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности РФ до 2024 года и на период до 2035 года”.

сурсов государственной поддержки не приводит к ожидаемым результатам, показатели стратегических программ остаются не достигнутыми или достигаются с существенным отставанием от запланированных сроков. Отдельные регионы, с хорошим потенциалом промышленного роста в тех или иных отраслях, могут оставаться вне контура государственной поддержки. Ко всему прочему, региональные стратегии промышленного развития, опирающиеся на целевые ориентиры стратегических документов федерального уровня, зачастую приобретают формальный характер и не подкреплены реальным комплексом мер и эффективными инструментами достижения заявленных целей.

Результаты данного исследования в определённой степени подтверждают наличие подобных проблем в системе реализации промышленной политики. В этой связи научно-аналитическое обеспечение принятия управленческих решений по расходованию ресурсов и средств государственной поддержки, разработка и внедрение в хозяйственную практику новых методик оценки эффективности инструментария промышленной политики, учитывающих региональные особенности промышленного ландшафта страны, имеют важнейшее значение для экономики страны и данная работа, по нашему мнению, вносит свой вклад в решение этих задач.

Список источников

1. Акбердина В.В., Романова О.А. Региональные аспекты индустриального развития: обзор подходов к формированию приоритетов и механизмов регулирования // Экономика региона. 2021. Т. 17. № 3. С. 714–736. — DOI 10.17059/ekon.reg.2021-3-1. — EDN MPMMTQ.
2. Стариков Е.Н., Евсеева М.В., Наумов И.В. Управление промышленным ростом: эффективность фондов развития // Управленец. 2022. Т. 13. № 3. С. 16–29. — DOI 10.29141/2218-5003-2022-13-3-2. — EDN PQUAYC.
3. Цветков В.А., Степнов И.М., Ковальчук Ю.А. Реализация стратегий новой индустриализации экономики // Вестник Финансового университета. 2016. Т. 20. № 6 (96). С. 19–30. — EDN WZQVPZ.
4. Ивантер В.В., Порфирьев Б.Н., Широков А.А. [и др.]. Основы структурно-инвестиционной политики в современных российских условиях // Вестник Финансового университета. 2017. Т. 21. № 1 (97). С. 6–15. — EDN YPLQKN.
5. Мантуров Д.В. О промышленной политике России на перспективу 2018–2030 гг. // Вестник МГИМО Университета. 2018. № 4 (61). С. 7–22. — DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-7-22. — EDN YMZUXR.
6. Arthur, W. Brian. Increasing returns and path dependence in the economy. — Ann Arbor: Univ. of Michigan press, 1994. — 201 p.
7. Евсеева Я.В. Концепция зависимости от траектории предшествующего развития: основные положения и критика (аналитический обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2017. № 2. С. 91–105. — EDN YTUECP.
8. Martin R., Sunley P. Path dependence and regional economic evolution // Journal of Economic Geography. 2006. Vol. 6. No. 4. P. 395–437. — DOI 10.1093/jeg/lbl012. — EDN XSTKYK.

9. Baumgartlinger-Seiringer S., Miörner J., Tripl M. Towards a stage model of regional industrial path transformation // *Industry and Innovation*. 2021. № 28 (2). P. 160–181. — DOI 10.1080/13662716.2020.1789452.
10. Isaksen A., Tripl M. Regional industrial path development in different types of regions: A conceptual analysis // *Innovation Drivers and Regional Innovation Strategy*. — London: Routledge, 2016. P. 66–84.
11. Абашкин В.Л., Гохберг Л.М., Еферин Я.Ю. [и др.]. Атлас экономической специализации регионов России: монография. — М.: НИУ ВШЭ, 2021. — 264 с. — ISBN 978-5-7598-2379-7.
12. Karnøe P., Garud R. Path creation: Co-creation of heterogeneous resources in the emergence of the Danish wind turbine cluster // *European Planning Studies*. 2012. № 20 (5). P. 733–752. — DOI 10.1080/09654313.2012.667923.
13. Grillitsch M., Asheim B. Place-based innovation policy for industrial diversification in regions // *European Planning Studies*. 2018. № 26 (8). P. 1638–1662. — DOI 10.1080/09654313.2018.1484892.
14. Chen Y., Hassink R. Multi-scalar knowledge bases for new regional industrial path development: toward a typology // *European Planning Studies*. 2020. № 28 (12). P. 2489–2507. — DOI 10.1080/09654313.2020.1724265.
15. Frangenheim A., Tripl M., Chlebna C. Beyond the Single Path View: Inter-path Dynamics in Regional Contexts // *Economic Geography*. 2020. № 96 (1). P. 31–51.
16. Grillitsch M. Institutions, smart specialisation dynamics and policy // *Environment and Planning*. 2016. № 34 (1). P. 22–37.
17. Duranton G., Puga D. Diversity and Specialisation in Cities: Why, Where and When Does it Matter? // *Urban Studies*. 2000. № 37 (3). P. 533–555. — DOI 10.1080/0042098002104.
18. Vallance P. Universities, Public Research, and Evolutionary Economic Geography // *Economic Geography*. 2016. № 92 (4). P. 355–377. — DOI 10.1080/00130095.2016.1146076.
19. Asheim B., Boschma R., Cooke P. Constructing regional advantage: Platform policies based on related variety and differentiated knowledge bases // *Regional Studies*. 2011. № 45 (7). P. 893–904.
20. Dawley S. Creating New Paths? Offshore Wind, Policy Activism, and Peripheral Region Development // *Economic Geography*. 2014. № 90 (1). P. 91–112. — DOI 10.1111/ecge.12028.
21. Калужнова Н.Я., Виолин С.И. Умная специализация российских регионов: возможности и ограничения // *Экономика, предпринимательство и право*. 2020. Т. 10. № 10. С. 2457–2472. — DOI 10.18334/epp.10.10.111061. — EDN YJZJBJ.
22. Коломак Е.А., Крюков В.А., Мельникова Л.В. [и др.]. Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии // *Регион: Экономика и Социология*. 2018. № 2 (98). С. 264–287. — DOI 10.15372/REG20180212. — EDN XQHJMD.

Сведения об авторах / About authors

Стариков Евгений Николаевич, кандидат экономических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой шахматного искусства и компьютерной математики Уральского государственного экономического университета. 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45; старший научный сотрудник отдела региональной промышленной по-

литики и экономической безопасности Института экономики УрО РАН. 620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29. ORCID: 0000-0002-3465-7233. E-mail: starik1705@yandex.ru.

Yevgeniy N. Starikov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Chess Art and Computer Mathematics of the Ural State University of Economics. Bld. 62/45, st. 8 Marta / Narodnoj Voli, Yekaterinburg, 620144, Russia; Senior Researcher, Department of regional industrial policy and economic security of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Bld. 29, st. Moskovskaja, Yekaterinburg, 620014, Russia. ORCID: 0000-0002-3465-7233. E-mail: starik1705@yandex.ru.

Евсева Марина Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и корпоративного управления Уральского государственного экономического университета. 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45. ORCID: 0000-0003-1163-612X. E-mail: m.evseeva@inbox.ru.

Marina V. Evseeva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Corporate Governance of the Ural State University of Economics. Bld. 62/45, st. 8 Marta / Narodnoj Voli, Yekaterinburg, 620144, Russia. ORCID: 0000-0003-1163-612X. E-mail: m.evseeva@inbox.ru.

Наумов Илья Викторович, кандидат экономических наук, доцент, руководитель лаборатории моделирования пространственного развития территорий Института экономики УрО РАН. 620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29. ORCID: 0000-0002-2464-6266. E-mail: ilia_naumov@list.ru.

Ilya V. Naumov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory for Modeling the Spatial Development of Territories of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Bld. 29, st. Moskovskaja, Yekaterinburg, 620014, Russia. ORCID: 0000-0002-2464-6266. E-mail: ilia_naumov@list.ru.